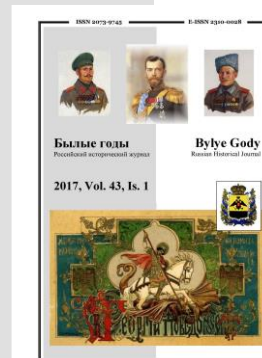

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 227-237, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.227
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(477)

Ukrainian National Movement and State Power in Late Imperial Russia, 1905–1914

Gennadiy G. Matishov^a, Oleg A. Grom^{a, b}

^a Southern Scientific Center of Russian academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^b Institute of Social-Economic research and humanities of Southern Scientific Center of Russian academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract

The article studies the history of the interaction between the Ukrainian national movement and Russian state power in the period from the Revolution of 1905–1907 and The World War I. The authors analyze the main stages of the Ukrainian movement evolution in early XX century, and show the role of Russian nationalist organizations, firstly the Kiev Club of Russian Nationalists, in the elaboration of the governmental policy in the Ukrainian question. The principle part of the article deals with the genesis of the Stolypin circular of 1910 on the non-Russian societies and its impact on the Ukrainian movement.

Keywords: Ukrainian question, national movement, governmental policy, prosvitas.

1. Введение

Недавние события на Украине возродили интерес к истории русско-украинских отношений. Участники современного конфликта зачастую апеллируют к событиям прошлого, а также используют, часто не догадываясь об этом, элементы дискурса, фразеологию, риторику и аргументацию, характерные для начала XX века. При этом тема взаимоотношений украинского национального движения и российской государственной власти остается в значительной степени мифологизированной, как в массовом сознании, так и в историографии. Тем более важно на основе как можно более широкого круга исторических источников реконструировать идеологию и логику действий основных акторов, действовавших в начале XX в. – российской власти, украинских активистов и русских националистов.

2. Материалы и методы

Основой для написания статьи выступают документы из фондов Департамента общих дел МВД, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, заметная часть которых вводится в научный оборот впервые. Особый интерес представляет дело «По вопросу о регистрации обществ, имеющих целью объединение инородческих элементов на почве их исключительно национальных интересов», в котором хранятся документы, относящиеся к столыпинскому циркуляру от 20 января 1910 г. Документы охватывают период с 1908 по 1913 гг. и позволяют проследить воззрения высших чиновников Российской империи на «украинский вопрос», генезис циркуляра и превратности его применения на практике. Кроме того, привлекается широкий круг источников, включающий архивные документы, периодику, а также историографический материал, касающийся деятельности украинских националистов и их взаимоотношений с властями в период с 1905 по 1914 гг. Особо следует отметить важность материалов прессы, прежде всего газет «Рада» и «Киевлянин», выражавших позиции украинских и русских националистов.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что вопрос о взаимодействии украинского национального движения и российских властей в начале XX в. неоднократно поднимался в литературе, до сих пор существует

недостаток взвешенных оценок, опирающихся на широкий круг источников, учитывающих позиции всех крупных акторов.

В советской историографии тема национального движения была маргинальной. Советские историки не выражали сочувствия ни «царизму, который был олицетворением великодержавного шовинизма», ни «буржуазным националистам», отвлекавшим народные массы от классовой борьбы (Кондуфор, 1983).

В современной литературе можно выделить два подхода. Первый характерен для украинской историографии и предполагает создание нарратива, в котором заведомо «хорошие» украинские патриоты героически противостоят заведомо антиукраинской репрессивной политике имперских властей, выступающих как единое целое. При этом конечной целью украинского национального движения выступает независимость Украины. Примером подобного подхода выступает монография Ольги Бардаш «Российское самодержавие и общественно-культурная жизнь в Украине в начале XX века» (Бардаш, 2011).

Сторонники другого подхода склонны абсолютизировать позицию российских властей различных уровней. Так, известная российская исследовательница И.В. Михутина (Михутина, 2003) отличается чрезмерным доверием к основному виду используемых ею источников – документам органов полиции. Но при этом она как бы забывает, что подобные документы зачастую содержали сомнительные «агентурные сведения», пересказы дискуссий в прессе и откровенные домыслы, поэтому подходить к ним стоит критически. Идеологию украинства Михутина реконструирует фактически только по работам М.С. Грушевского. При этом Грушевский среди российских украинофилов был фигурой достаточно обособленной, и далеко не всегда его взгляды совпадали с мнением большинства участников движения. Кроме того, исследовательница часто некритически заимствует фразеологию правого охранительного дискурса начала XX века. В итоге у Михутиной украинское национальное движение представляется «искусственным» явлением, результатом различного рода внешних «интриг» и едва ли не масонского заговора (чему посвящен отдельный раздел ее книги).

4. Результаты

Революция 1905–1907 гг. стала поворотным моментом истории национальных движений в Российской империи, в том числе и украинского. Под влиянием революции российские власти пошли на либерализацию законодательства в отношении украинского языка. До этого вопрос об украинской печати регулировался Валувевским циркуляром 1863 г. и Эмским указом 1876 г., которые фактически ставили запрет на издание украинской литературы. Впрочем, как отмечает А. Миллер, эти беспрецедентные репрессивные меры в полной степени никогда до конца не исполнялись. Тем не менее, Киевский цензурный комитет во время действия Эмского указа ежегодно запрещал не менее 15 % украинских изданий, что было существенно больше, чем запрещалось на других языках (Миллер, 2000: 186). Уже на рубеже XIX и XX вв. ограничительные меры в отношении украинского языка фактически не действовали, но окончательно были отменены только в 1905 г. Ключевую роль в отмене сыграла позиция «прогрессивного» общественного мнения, университетов (прежде всего, Киевского и Харьковского), а также Академии наук, в то время как идея продолжения репрессивной политики исходила от Министерства внутренних дел¹.

Снятие цензурных ограничений способствовало появлению и быстрому росту украинской прессы. Крупнейшей и наиболее популярной стала ежедневная газета «Громадська думка», которая после закрытия в 1906 г. возродилась под названием «Рада». Издавал газету крупный деятель украинского национального движения Е.Х. Чикаленко. Всего в 1906 г. выходило 18 газет и журналов на украинском языке (Підкова, Шуст, 1999). Тиражи были скромными по меркам общероссийских изданий, но вполне сопоставимыми с другими «инородческими» печатными органами. Так, в 1909 г. тираж «Рады» составлял 2 тыс. экземпляров (Чикаленко, 2011).

Благодаря общей либерализации законодательства, последовавшей за Манифестом 17 октября 1905 г., появляются или легализуются украинские политические партии, крупнейшей из которых выступала Украинская демократическо-радикальная партия. Тогда же организуются национальные общества самого различного типа. Одной из наиболее интересных форм национального движения в этот период стали культурно-просветительные общества – просвиты.

Первые просвиты появились в Австро-Венгрии в конце 1860-х гг. На протяжении последней трети XIX в. неоднократно предпринимались попытки открыть подобные общества в пределах Российской империи, но в условиях проводимой в тот момент политики на западных окраинах, открытие просвит представлялось невозможным. Тем не менее, западно-украинская «Просвита» сохраняла связи с российской Украиной (Перський, 1932: 230).

Первой организацией, фактически выполнявшей роль «Просвиты» в пределах Российской империи, стало основанное в 1898 г. в Петербурге и просуществовавшее до 1917 г. «Благотворительное общество издания общепользных и дешевых книг». С обществом сотрудничали

¹ Подробнее о перипетиях отмены антиукраинского законодательства см.: (Боряк, 2013: 327-416).

крупнейшие деятели украинского национального движения. За время его существования было издано около 80 книг общим тиражом более 1 млн экземпляров (Перський, 1932: 232).

С изданием 4 марта 1906 г. временных правил об обществах и союзах, регистрация украинских обществ ускорила. Всего с 1906 по 1908 г. «просвиты» были зарегистрированы в 14 городах России (Щеголев, 1912: 273). Там, где местные власти препятствовали открытию «просвит», их роль выполняли другие организации: украинские клубы, студенческие кружки (гуртки), литературные, музыкальные и театральные общества. Еще в нескольких местах общества действовали нелегально или под другими названиями. Иногда скрытые просвиты действовали под вывесками русских или смешанных обществ. Так, например, общество «Просвещение» в ст. Староминской Кубанской области, будучи по уставу русской просветительной организацией, занималось распространением украинской литературы (Рада. 1911. № 52). Преимущественно просвиты действовали в малороссийских и новороссийских губерниях, причем наиболее развитая сеть существовала именно «на окраинах» расселения малороссов. Культурно-просветительские общества украинцев также открывались в крупных городах империи, где существовали украинские диаспоры – в Петербурге, Москве, Варшаве, Риге, Баку и на Дальнем Востоке (см. рис. 1).

Рис. 1. Украинские культурно-просветительные организации в России (1905–1907 гг.)

Украинские националисты отводили просвитам особую роль. Целью существования обществ декларировалось просвещение украинского народа. Газета «Рада» следующим образом описывала задачи таких обществ: «Просвиты – это единственные украинские институты, которые правительство признало законными. Они, избегая партийности, являются тем посредником, вокруг которого на полностью легальной почве могли бы сплотиться вокруг работы на пользу родного народа все сознательные украинцы» (Рада. 1906. № 63).

Особо много проблем вызывало стремление украинских активистов действовать в сельской местности. Так, руководство Киевской просвиты пыталось организовать сеть филиалов в губернии, но не всегда эти попытки были удачными. В 1906 г. «Киевское губернское об обществах присутствие» отказалось регистрировать по формальным причинам просвиту в селе Колодистом. Газета «Рада» сожалея об отказе, однако, называла попытку открыть Просвиту по инициативе самих крестьян хорошим знаком, считая, что по примеру Колодистого сельские просвиты будут открываться повсеместно (Рада. 1906. № 56).

В 1905–1908 гг. деятельностью украинских организаций высшие власти в Петербурге интересовались мало, а большинство трений происходило на уровне губернских администраций и органов полиции.

Причиной конфликтов украинских националистов и местных властей зачастую выступал демонстративный протест и нежелание украинских активистов играть по установленным правилам. Так, в 1907 г. скандалом закончилась подача на регистрацию устава Харьковской просвиты на украинском языке. По заявлению губернатора, «в случае возобновления подобного ходатайства Харьковское губернское присутствие по делам об обществах выскажется за отклонение его, так как факт представления в правительственное учреждение проекта устава на малороссийском языке уже свидетельствует о вредности направления общества, преследующего цели политического сепаратизма Малороссии» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1908 г. Д. 159. Л. 3). Другой пример подобного рода – регистрация Бакинской просвиты в том же 1907 г., которая была одобрена только после того, как в уставе слова «украинцы» и «украинский» были заменены на «малороссы» и «малороссийский» (Заречный, 2009).

Украинские активисты понимали всю шаткость своего положения. Так, осенью 1906 г. киевская полиция провела проверку политической благонадежности местной просвиты, в результате чего общество было признано «не заслуживающим доверия». Ему было отказано в открытии библиотеки и книжного склада (Бардаш, 2011: 60). Тогда же среди украинских националистов стали распространяться слухи о скором закрытии общества, которые с заметной периодичностью продолжали циркулировать в течение последующих нескольких лет (Бардаш, 2011: 60).

Основными оппонентами украинского движения в этот период стали русские националистические и право-монархические организации, активно действовавшие в Юго-западных губерниях России.

Поворотным пунктом во взаимоотношениях украинского национального движения и российских властей стал 1908 г., когда был основан Киевский клуб русских националистов (ККРН). В его рядах оказались известные противники украинофильства – Д.И. Пихно, В.Е. Чернов, Т.Д. Флоринский, С.Н. Щёголев и А.И. Савенко (Михутина, 2003: 96). В том же году был создан Подольский союз русских националистов. Эти организации идеологически были близки Всероссийскому национальному союзу, но формально в него не входили. Идеи националистов в целом вписывались в господствовавшие в среде сторонников П.А. Столыпина представления о превращении России в русское национальное государство, а националистические организации находили поддержку в правительственных кругах.

Русские националисты с одной стороны атаковали украинских активистов в прессе, с другой, всем средствами пытались обратить внимание губернских и общероссийских властей на «опасность», исходившую от украинских организаций. Уже в марте 1908 г., накануне открытия ККРН Анатолий Савенко в «Киевлянине» объявил, что важнейшей задачей на пути «пропаганды национализма» является борьба с украинофильством. «Необходимо признаться, – писал Савенко, – что мы проспали украинское движение. Вместо того, чтобы бороться с ним, мы всё посмеивались над хохломанством, не придавая ему серьезного значения». Далее Савенко заявил, что в Петербурге недооценивают масштаб и угрозу украинофильства, считая это движение несущественным. Это мнение подкрепляется еще и тем, что с украинским движением никто открыто не борется. Поэтому именно создаваемый ККРН должен стать центром такой борьбы (Киевлянин. 1908. № 89). Украинские националисты тут же окрестили выступление Савенко «“новым” курсом против украинства» (Рада. 1908. № 76).

С провозглашением «нового курса» заметно увеличилось число антиукраинских выступлений в «охранительной» прессе, причем не только в местной, но и в общероссийской. Эта агитация видимо достигала цели, поскольку сами украинские активисты в 1908–1909 г. в прессе и дневниковых записях неизменно отмечали рост числа репрессивных мер, применявшихся к ним со стороны местных властей. Но репрессии общероссийского масштаба еще ждали своего часа.

Во взглядах русских националистов на украинский вопрос проявлялись две противоречивые тенденции. С одной стороны, украинофильство признавалось «искусственным» и «беспочвенным», поскольку не имело, по их мнению, широкой народной поддержки. С другой стороны, признавалась крайняя вредность украинофильства. Это противоречие разрешалось утверждением, что несмотря на «устойчивость» основной малороссов перед лицом украинской агитации, последние со временем могли попасть под ее влияние и «ошибочно» осознать себя украинцами, оторванными от общерусской идентичности (Коцюбинский, 2001: 296).

Другой специфической особенностью взглядов русских националистов было подчеркивание «внешнего фактора» в деятельности украинских организаций и активистов. Общим местом стало утверждение, что украинофильство распространялось из австрийской Галиции и всецело поддерживалось не только австрийскими властями, но и поляками. При этом русские националисты попросту игнорировали тот факт, что польско-украинские отношения в Галиции были весьма напряженными. Украинские активисты в России отмечали, что в представлении их оппонентов «украинство обязано быть чьей-то интригой», причем подобные обвинения исходили как со стороны русской прессы, так и со стороны польской (Рада. 1909. № 45). Обвинения в сепаратизме и связях с австрийцами отвергались украинофилами как безосновательные. Так, Е. Чикаленко, комментируя выпады против украинства в «Киевлянине» и «Новом времени» писал в своем дневнике: «Господи, чего только не наговорили! Они правда так думают, или намеренно врут? Разве они не знают, что

украинцы, даже в самой фантастической своей программе, дальше автономии не пошли?» (Чикаленко, 2011: 186).

Не менее существенным было обвинение украинства в связях с революционными кругами (Коцюбинский, 2001: 298). Но здесь надо заметить, что представления об украинстве как о части революционного движения были в большей степени характерны для 1905–1908 г. если судить по мотивировкам закрытия обществ. Позднее, а особенно после столыпинского циркуляра, украинские организации преследовались почти исключительно по национальному признаку.

В 1908 г. произошел еще один случай, который, вероятно, повлиял на то, что украинский вопрос вошел в поле зрения высших властей. Инициативная группа из 37 депутатов Государственной думы направила председателю совета министров законопроект о введении преподавания на украинском языке в школах, где большинство населения составляли малороссы (Борьба за язык: 331–332).

В ответ на запрос депутатов министр народного просвещения А.М. Шварц написал письмо помощнику управляющего делами кабинета министров Н.В. Плеве, человеку близкому Столыпину. Аргументируя свою позицию, Шварц заявил, белорусы и малороссы являются частью единого русского народа, а стремления части интеллигенции к признанию их особым народом не имеют исторических оснований. Экономические условия в будущем приведут к смешению племен, а попытки внедрения украинского языка только затормозят это «естественный» процесс. Шварц подчеркивал, что «в школах языком преподавания у всех культурных народов является не живой народный язык, а тот искусственный язык, который является литературным» (Борьба за язык: 349). Но ведь именно в этом, в пропаганде «искусственного» литературного украинского языка, упрекали украинофилов их антагонисты, включая самого Шварца. Присовокупляет Шварц и тезис об «австрийской интриге» (Борьба за язык: 353). Общий вывод министра состоял в том, что законопроект 37 депутатов должен быть отвергнут (Борьба за язык: 356). Аргументация Шварца практически дословно повторяет тезисы русских националистов, и нет сомнений, что, изучая вопрос, он отталкивался от публикаций в националистической прессе.

«Роковой» для украинских националистов стала поданная в Сенат в 1908 г. полтавскими украинофилами апелляция на отказ в регистрации украинского культурно-просветительского общества «Просвита» в Полтаве. Сенат жалобу отклонил и, более того, своим указом признал все украинские общества «угрожающими общественному спокойствию и безопасности» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1908 г. Д. 159. Л. 10).

В 1909 г. в Департамент общих дел (ДОД) МВД стали поступать из губерний запросы относительно деятельности украинских обществ и перспектив их закрытия (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1908 г. Д. 159. Л. 6–90б; Бардаш, 2011: 64–65). Активизировались и сторонники украинского движения, писавшие в газеты и разные ведомства о притеснениях со стороны властей губерний. Наиболее яркий пример подобного рода – записка председателя Одесской просвиты, И.М. Луценко, министру внутренних дел от 20 февраля 1909 г., в которой он доказывал, что общество не преследует противозаконных целей, а вся его деятельность носит сугубо просветительский характер, что должно, по его мнению, встречать содействие администрации (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1908 г. Д. 159. Л. 17–170б.). Вице-директор департамента, комментируя записку, указал, что Департамент не имеет ничего против Одесской просвиты и никаких действий по этому поводу предпринимать не собирается (РГИА. Ф. 1284. Оп. 188. 1908 г. Д. 159. Л. 19). Однако в течение 1909 г. ДОД активно собирал «компромат» на украинские организации, как по линии Департамента полиции, так и через переписку с губернаторами.

17 октября 1909 г. в ДОД была составлена записка «по вопросу о допустимости объединений на национальной почве», в которой указывалось на наличие скопившихся в производстве дел, касающихся инородческих обществ и на необходимость выработки единой стратегии в этом вопросе. Хотя составители записки и признали украинские общества подозрительными, но рекомендовали «согласно с точным смыслом закона [об обществах] 4 марта» не предавать указам Сената общее руководящее значение, а «обратить лишь внимание подлежащих губернаторов на необходимость тщательного надзора за деятельностью существующих обществ и осторожного отношения к вновь разрешенным» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1910 г. Д. 6. Л. 17).

1 ноября 1909 г. тов. Министра С.Е. Крыжановский передал эту записку Столыпину со своими комментариями. Чиновник, проанализировав собранный материал, пришел к выводу, что украинофильство – это «движение, создаваемое силами явно враждебными России» и в отношении него не следует допускать никаких послаблений, «а надлежит твердо стоять на почве высказанных Сенатом государственных соображений, памятуя, что только в путях проведения начал русской национальной политики можно отстоять западные губернии». Украинская угроза при этом напрямую увязывалась с польской (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1910 г. Д. 6. Л. 140б.). Примечательно, что в материалах, собранных департаментом, эта линия аргументации не имела никакого развития, а украинским обществам вменялась в вину, прежде всего, революционная и социалистическая агитация. Идея о связи украинского движения и задач «национальной политики», вероятно, была заимствована Крыжановским из арсенала крайне правой публицистики. Но в любом случае такая риторика резонировала со взглядами самого Столыпина на национальный вопрос.

Столыпин в заметке на полях записки в целом согласился с наличием угрозы, идущей от инородческих обществ, однако, предостерег от возможного произвола губернаторов в вопросе об открытии обществ: «Я нахожу, что прием, рекомендованный Департаментом [общих дел], поведет к произволу, т.к. поставит открытие обществ в зависимость от дискреционной власти губернаторов. Между тем, существуют общие признаки несомненной опасности некоторых обществ (на что и указал Сенат), и в зависимости от этих признаков общества, на основании ст. 6 правил 4 марта (Временные правила об обществах и союзах 1906 г. – Г.М., О.Г.) разрешенными не считать... Необходимо дать губернаторам соответственное циркулярное разъяснение» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1910 г. Д. 6. Л. 14).

В это же время вопрос об обществах активно дискутировался и на местах. В ноябре 1909 г. киевский губернатор А.Ф. Гирс подал Киевскому, Подольскому и Волынскому генерал-губернатору Ф.Ф. Трепову записку об украинских и польских обществах, которые признавал небезопасными в силу того, что они ведут пропаганду среди сельского населения, а украинские общества якобы преследуют цель «возрождения украинского государства в границах XV–XVI в., а именно от Сяна (за Карпатами) до Кубани и Дона» (Бардаш, 2011: 64–65). Тогда же последовал конфиденциальный циркуляр Ф.Ф. Трепова, в котором он повторил идею вредности деятельности в сельской местности. Он отметил, что «культурные общества на самом деле являются политическими». Общій вывод Трепова полностью согласовывался с положениями, активно циркулировавшими в Петербурге – на основании постановления Сената не допускать регистрации польских и украинских обществ, поскольку они мешают государственной цели – ассимиляции населения края (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. 1910 г. Д. 6. Л. 67–67 об.).

Окончательная точка в дискуссиях об инородческих обществах была поставлена 20 января 1910 г. с опубликованием министерского циркуляра губернаторам. В нем говорилось о недопущении впредь регистрации любых инородческих обществ, в том числе украинских, которые могли бы преследовать «узко-национальные» цели. Решения в каждом конкретном случае должны были принимать губернские об обществах присутствия. Касательно уже открытых обществ предполагалось провести ревизию их деятельности и в случае выявления указанных в циркуляре признаков, возбудить вопрос об их закрытии (РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909 г. Д. 260. Л. 22–22об.) (см. рис. 2)

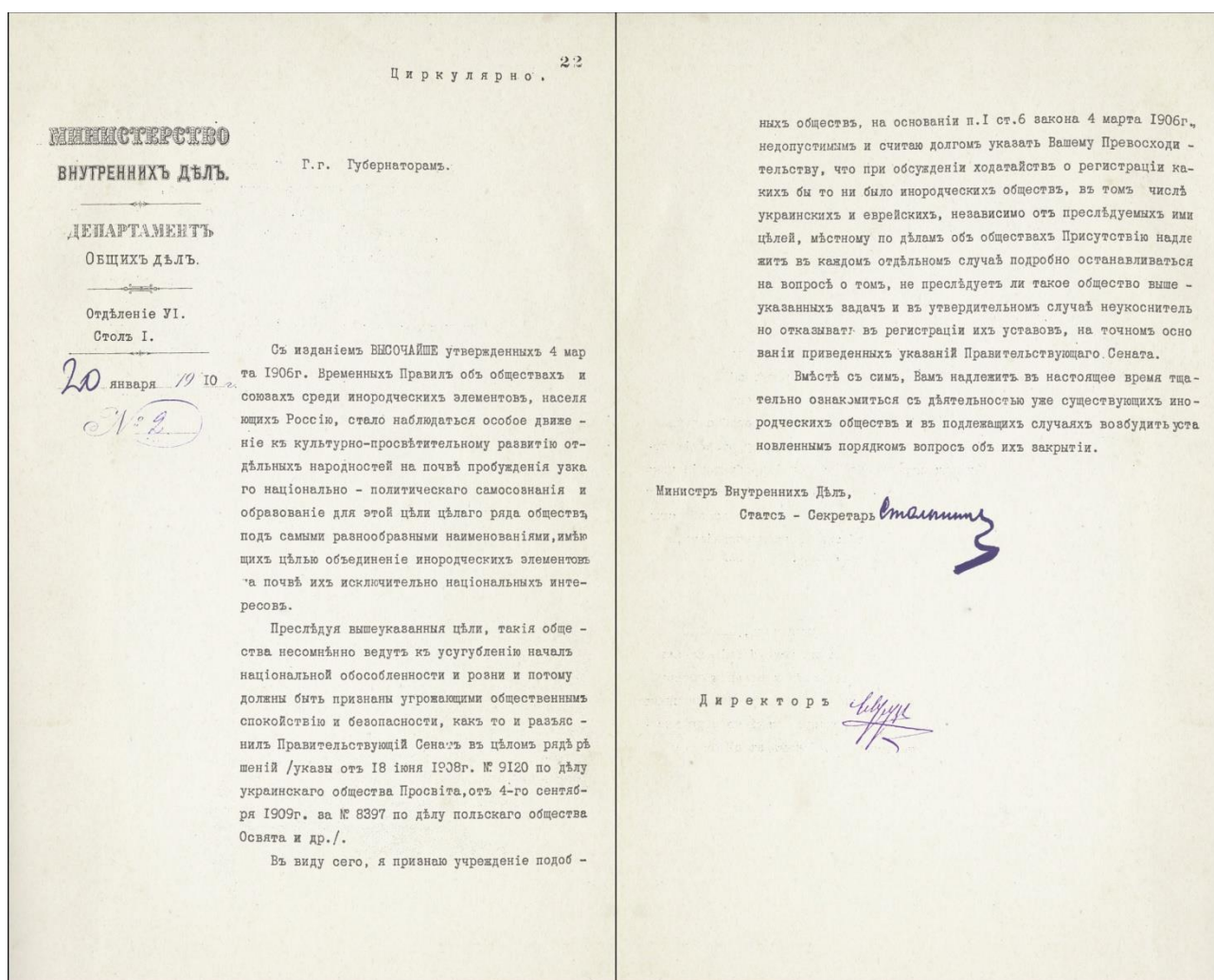

Рис. 2. Циркуляр об инородческих обществах и союзах за подписью П.А. Столыпина

Уже 12 февраля 1910 г. Киевский генерал-губернатор Трепов обратился в МВД с запиской о закрытии 3 польских и 4 украинских обществ, однако в ответном письме от Крыжановского министерство фактически «умыло руки», отдав вопрос о закрытии обществ в ведение губернских обществ присутствия (Бардаш, 2011: 66). В мае того же года Киевское присутствие рассмотрело дело и постановило общество закрыть. Совет Киевской просвиты принял решение не оспаривать постановление присутствия, а самораспуститься (Звідомлення Товариства Просвіта, 1910: 38).

Ключевую роль в закрытии общества сыграл активный борец с украинским движением С.Н. Щеголев. Сергей Никифорович Щеголев (1862–1919) – врач по образованию, с 1894 г. перешедший на государственную службу, занимаая различные должности в Киевской губернии. В начале XX в. по своей инициативе занялся изучением феномена «южнорусского сепаратизма». В 1912 г. им была издана книга, посвященная «современному украинству». Работа Щеголева была крайне компилятивной, а основным источником выступали публикации в прессе, интерпретируемые в духе борьбы с «вредным течением».

Просвиты Щеголев считал антигосударственными учреждениями, проповедовавшими «инородческие тенденции» среди русского народа. «Деятельность украинских обществ, – писал Щеголев, – должна быть возможно ограничиваема, с нею нужно бороться, но нужно помнить, что эти общества состоят из русских людей, распропагандированных «инородствующими» же русскими агитаторами» (Щеголев, 1912: 277). Примечательно, что описывая формы национальной агитации, он на первое место помещает именно просвиты.

Отношение Щеголева к просвитам ярко демонстрирует следующая цитата: «Украинские просвиты, уже по смыслу сенатских разъяснений, не могут быть в России разрешаемы, а существующие должны быть закрыты. Нужно помнить, что каждый шаг их деятельности есть уродование культурной жизни народа, что неотразимым обвинителем этих учреждений является уже самая программа их работы. Безусловному и немедленному закрытию подлежат, конечно, и те отделения и учреждения (читальни) Просвит» (Щеголев, 1914: 153).

По делу о Киевской просвите, на заседании губернского общества присутствия Щеголев заявил, что 12 из 15 рассмотренных им изданий общества имели вредное направление (Звідомлення Товариства Просвіта, 1910: 36). Содержимое книг Щеголев называл «тенденциозной мутью и плесенью», а само украинское движение характеризовал как «провинциальный фетишизм» (Звідомлення Товариства Просвіта, 1910: 55).

Примечательно, что основным мотивом, как следует из протокола, закрытия была не национальная, а «революционная» деятельность. Из записки Щеголева следовало, что целью изданий общества является «дискредитирование монархической власти и пропаганда республиканских идей, восхваление революционных и бунтовщических деяний... решение аграрного вопроса по рецептам анархистов и коммунистов... защита антимилицаризма и патриотического индифферентизма». Обвинение в «автономизме», под которым понимался сепаратизм, шло в самом конце списка (Звідомлення Товариства Просвіта, 1910: 41). Вероятно, чиновники, принимавшие решение осознавали, что закрытие просветительного общества за просветительную же деятельность, пусть и «узконациональную» вызовет неоднозначную реакцию общественного мнения, в то время как борьба с «революционной крамолой» была понятна и чиновникам и обществу.

За киевским обществом последовали и другие. В борьбу с «сепаратизмом» активно включались власти губерний, полицейские органы и русские националисты. Последние видели в этом только первый шаг в борьбе с «инородческим засильем» и утверждали, что «правительство, по-видимому, твердо вступило на путь национальной политики» (Киевлянин. 1910. № 57). Виднейший борец с украинством Анатолий Савенко писал в «Киевлянине», что циркуляр 20 января – это «голос самой государственности. Словами циркуляра говорит как бы проснувшийся государственный инстинкт русского народа... Теперь этот инстинкт служит делу охраны и укрепления русской государственности». Целью государственной политики, по мнению Савенко, должно было стать отражение «натисков инородцев». А среди всех инородческих «сепаратизмов» наиболее опасным был именно украинский, поскольку он «вносит раздор и предательство в самую среду русского народа, в эту цитадель великого русского государства» (Киевлянин. 1910. № 38).

Украинская пресса отреагировала на очередную антиукраинскую кампанию сдержанно, полемизируя с русскими националистами о ее последствиях для их движения (Рада. 1910. № 42). Основным лейтмотивом украинских выступлений было то, что текущие репрессии против украинства не первые в истории и культурная работа будет продолжаться в любых условиях. Впрочем, эта сдержанность была объяснима. Слухи о подготовке правительственного решения по украинскому вопросу ходили давно, а буквально за месяц до обнародования циркуляра украинским активистам, если верить дневниковым записям Чикаленко, стало известно о «доносе» со стороны киевских русских националистов, а также о готовящемся правительственном решении (Чикаленко, 2011: 90).

Важно подчеркнуть, что в тексте циркуляра украинцев едва ли не впервые на столь высоком уровне признали «инородцами», вопреки доминирующей теории их принадлежности к «большой русской нации». Это не могло не льстить самим украинским националистам. Так, М.С. Грушевский заявил, что «циркуляр следует записать золотыми буквами в историю украинского движения» (Щеголев, 1912: 277). Впрочем, у русских националистов была своя интерпретация этого положения

циркуляра. Так, специализировавшаяся на национальном вопросе проправительственная газета «Окраины России» писала: «Но дело в том, что «украинцы» – не малорусы: южнорусы вошли в единение с русским севером и составляют с ним единое целое, а «украинцы» стремятся оторвать кого только можно от малорусов от общерусской народности и составить какую-то особую, в действительности не существующую народность, враждебную русской. Здесь действующая рука инородческая, и, понятно, что «украинские» общества подходят к инородческим» (*Циркуляр об обществах: 129*). Интересно, что эта трактовка была в определенной мере близка и составителям циркуляра. В одном из черновых вариантов после фразы «в том числе украинских» была сделана рукописная пометка: «т.е. отвергающих единство русского народа и проповедующих украинскую отдельность и самостоятельность – “окремішність і самостійність”» (*РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1909 г. Д. 260. Л. 51*).

Некоторые люди из правого лагеря, таки или иначе симпатизировавшие «культурному украинофильству», пытались «вразумить» власти. Показателен случай киевского публициста Т.В. Локтя, издателя газеты «Киев», пытавшегося совместить социалистическую и демократическую идеологию с русским национализмом (*Иванов, 2008*). В феврале 1910 г. Локоть представил генерал-губернатору Ф.Ф. Трепову записку «Государственный национализм и “украинские” организации», в которой предлагал сохранить украинские культурные общества как «безобидные». Конечной целью уступок украинству Локоть видел объединение малороссов и великороссов вокруг идеи «государственного национализма» и борьбы с «еврейским засильем». Украинские общества, наподобие «Просвиты», по его мнению, могли сыграть в этом при участии властей позитивную роль. В канцелярии Министерства внутренних дел посчитали, что Локоть преследует цели, противоположные заявленным. Записка Локтя все же дошла до Столыпина, но идеи его не встретили сочувствия у министра, давшего резолюцию: «Я не разделяю мнения автора» (*РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1123. Л. 18–43об.*).

В контексте взаимоотношений украинства и власти интересна реакция на закрытие просвиты со стороны М.С. Грушевского, который 8 апреля 1910 г. записал в своем дневнике: «Просвита закрыта! Сообщил Ж[ебунёв], что Гирс и Трепов очень этого не хотели, но были вынуждены, ибо петербургские черносотенцы надавили на Столыпина» (*Гириг, Тодійчук, 2002: 111*). Похожие мысли высказывал Евген Чикаленко, считавший Трепова лояльным украинству, но вынужденным под влиянием обстоятельств «не рисковать» (*Чикаленко, 2011: 105–106*). Чикаленко вообще, если судить по его дневниковым записям, несмотря на постоянные проблемы с охранкой, сохранял веру в «разумность властей», которые не пойдут на поводу у русских националистических организаций¹.

Как видно из приведенных выше сведений и Гирс и Трепов все же выступали за репрессивные меры против просвит. Да и Столыпин соглашался на закрытие обществ без особых колебаний и явно не под давлением «черносотенцев». Впрочем, были ли намерения Гирса и Трепова их искренней инициативой или же они просто действовали в рамках сложившегося тренда и представлений о позиции правительства в национальном вопросе – остается только догадываться.

Тем не менее, неоднозначность восприятия «украинской угрозы» российскими властями подтверждается на материалах других губерний. Было бы неверно, вслед за современными украинскими историками, характеризовать политику российских властей всех уровней в «украинском вопросе» как исключительно репрессивную. Реальность выглядит более сложной и нюансированной. Система отношений власти и украинского движения, установленная столыпинским циркуляром, несмотря на изначальную интенцию министра, ставила принятие решений в зависимость от воли губернаторов, у которых в свою очередь были разные представления о степени угрозы, исходящей от украинских обществ, и о необходимости применять к ним репрессии. В этом отношении показателен пример Новочеркасской просвиты. В начале 1913 г. в ответ на запрос из МВД почему общество продолжает действовать, несмотря на наличие циркуляра 1910 г., наказной атаман Донского казачьего войска В.И. Покатило заявил, что не видит причин для закрытия, т.к. за время существования общества не было отклонений от его устава (*РГИА. Ф.1284. Оп. 194. 1910 г. Д. 6. Л. 146*). Тем не менее, под давлением МВД и Военного министерства общество было закрыто. Больше повезло украинским националистам в Екатеринославской губернии, где Просвита с многочисленными филиалами на протяжении ряда лет фактически пользовалась покровительством канцелярии губернатора (*Зелений, 2005: 12*). Именно в начале 1910-х гг., когда по стране прокатилась волна закрытий просвит, в Екатеринославской губернии местные активисты смогли открыть 10 сельских филиалов (*Абросимова, 2010: 550*).

Другой показательный пример – дело о каменец-подольской «Просвите». По «агентурным данным», собранным губернской полицией, общество значилось как подпольное, а его лидером разные «агенты» называли разных лиц. Вопрос прояснил губернатор, который в своем письме в особый отдел МВД уверил полицейских чиновников, что общество действует легально на основе им же утвержденного устава. Хотя, по мнению губернатора, общество и преследовало «узко национальные цели», его закрытие не представлялось возможным, т.к. подобный шаг мог быть

¹ Как видно из его дневника, окончательно враждебную позицию к самодержавию он занял только после того, как с началом ПМВ была закрыта «Рада».

расценен за границей, особенно в Австро-Венгрии, как притеснения украинцев, что дало бы повод для критики российских властей (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244. 1913 г. Д. 231. Л. 13–18об.).

Так или иначе, к 1914 г. большинство украинских обществ было закрыто, а активность оставшихся минимизирована. Но подобного рода меры, вопреки ожиданиям русских националистов, не привели к исчезновению украинского движения.

Очередной виток репрессий против украинского движения пришелся на 1914 г. и был связан с празднованием юбилея Тараса Шевченко. Циркуляр губернатора, изданный в январе 1914 г. министром внутренних дел Н.А. Маклаковым, ставил фактический запрет на празднование юбилея украинского поэта. В ответ на циркуляр группа из 33 депутатов Государственной думы, кадетов и трудовиков, подала на имя Маклакова и председателя совета министров И.Л. Горемыкина, в котором приводилась история репрессий против украинства со времен столыпинского циркуляра, а также указывалось на незаконность нового циркуляра (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 953. Л. 1–6).

Запрос вызвал дискуссию в стенах Думы, в результате которой правые и кадеты (в лице Милюкова, выступившего адвокатам украинства) фактически повторили ставшие традиционными позиции по украинскому вопросу. Запрет на празднование юбилея Шевченко также стал поводом для дискуссий в прессе, а шевченковско-украинская тема несколько месяцев не сходила со страниц газет. Хотя Дума и отклонила запрос инициативной группы на заседании 5 марта 1914 года (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 953. Л. 10), в правительстве на него обратили внимание. Было начато составление различных справок о сущности «мазепинского движения». Интерес представляет справка Департамента полиции от 28 марта 1914 г., где в отличие от других документов подобного рода подчеркивалось наличие диаметрально противоположных взглядов на «мазепинскую угрозу» и между прочем замечает, что «ни агентурным путем, ни негласными сведениями не добыто фактических указаний на рост или осуществление в Киевской губернии «мазепинского движения», как об этом пишет известный националист А.И. Савенко» (РГИА. Ф. 1004. Оп. 2. Д. 131. Л. 7).

Но очередной виток дискуссий по «украинскому вопросу» был прерван Первой мировой войной. Ее начало стало новым этапом взаимоотношений украинского национального движения и власти. Украинцы ввиду того что проживали по обе стороны линии фронта вошли в число «подозрительных» этнических групп, что в условиях нарастающей шпиономании означало ужесточение репрессивных мер. Уже на третий день с начала войны была закрыта «Рада» и другие издания на украинском языке. Украинские организации и лица, связанные с движением попали под строгий надзор. К началу революции из крупных украинских организаций на территории малороссийских и новороссийских губерний продолжала работу только Николаевская просвита.

5. Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать несколько выводов. Новые социально-политические условия, порожденные Революцией 1905–1907 гг. привели к возрождению и росту украинского национального движения в Российской империи. На первых порах высшая государственная власть никак не реагировала на это явление, рассматривая его, как одну из форм «революционного брожения». Реакция же местных властей сильно зависела от места, контекста и конкретных людей, вступавших во взаимодействие с украинскими активистами. Только в 1908–1909 гг. на движение обратили пристальное внимание в Петербурге. Важнейшую роль в выработке правительственной политики сыграли русские националистические организации, развернувшие в прессе мощную антиукраинскую кампанию.

Важной вехой украинско-российских отношений стал циркуляр 20 января 1910 года. Но на практике он имел скорее символический эффект, сохранив практику принятия конкретных решений на уровне губернских властей. После обнародования циркуляра репрессии против украинского движения хоть и усилились, но все же не стали всеобъемлющими. В целом, продолжился тренд на постепенное закручивание гаек. В 1914 г. украинский вопрос вновь был поднят на общеимперском уровне. Вероятно, в этот момент мог произойти некоторый пересмотр политики в отношении украинцев (что, например, наблюдалось на некоторых других окраинах в эти же годы), но эти процессы были прерваны начавшейся войной.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках реализации гранта РНФ № 14-18-01442 «Украинский кризис и проблемы социально-экономической интеграции в Азовско-Черноморском регионе».

Литература

Абросимова, 2010 – Абросимова С. Катеринославська “Просвіта” у культурно-громадському житті Наддніпрянщини (За матеріалами епістолярної спадщини академіка Дмитра Яворницького) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2010. Вип. 19. С. 548–551.

Бардаш, 2011 – Бардаш О.Д. Російське самодержавство та суспільно-культурне життя в Україні на початку ХХ століття (1900–1917 рр.). Київ: Укр. пріоритет, 2011. 208 с.

Борьба за язык – Борьба за язык: публикация документов // *Ab imperio*. 2005. № 2. С. 331–367.

- Борjak, 2013** – Українська ідентичність і мовне питання в Російській імперії: спроба державного регулювання (1847–1914). Збірник документів і матеріалів / відп. ред. Г. Борjak. Київ, 2013. 810 с.
- ГАРФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гириг, Тодійчук, 2002** – *Гириг І., Тодійчук О.* Щоденник М. Грушевського за 1910 р. // Український історик. 2002. № 1-4. С. 96–127.
- Заречный, 2009** – *Заречный А.* История и этапы появления украинцев в Азербайджане // Ethno Globus. URL: <http://ethnoglobus.az/index.php/narody/clavyane/item/848-история-и-этапы-появления-украинцев-в-азербайджане> (Дата обращения: 12.01.17)
- Звідомлення Товариства Просвіта** – Звідомлення Товариства Просвіта у Києві за 1910 рік. Київ, 1910. 64 с.
- Зелений, 2005** – *Зелений В.М.* Становлення та діяльність товариства «Просвіта» Катеринославської губернії у 1905–1922 рр.). Харьков. Автореф. дис. ... канд. наук, 2005.
- Иванов, 2008** – *Иванов А.* Профессор Т.В. Локоть: путь русского националиста // Имперское возрождение: журн. полит. аналитики. 2008. № 3. URL: <http://fondiv.ru/articles/3/290/> (Дата обращения: 26.12.2016).
- Киевлянин** – ежедневная газета консервативного монархического направления.
- Кондуфор, 1983** – История Украинской СССР в 10 томах / Под. ред. Ю.Ю. Кондуфора. Т. 5. Киев: Наукова думка, 1983. 558 с.
- Коцюбинский, 2001** – *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. 528 с.
- Миллер, 2000** – *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб: Алетейя, 2000. 260 с.
- Михутина, 2003** – *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М.: Институт славяноведения РАН, 2003. 288 с.
- Перський, 1932** – *Перський С.* Популярна історія товариства «Просвіта». Львів: Накладом Т-ва «Просвіта», 1932. 271 с.
- Підкова, Шуст, 1999** – Довідник з історії України. / За ред. І. Підкови та Р. Шуста. Т. 2. Київ, 1999 // Сайт «Історія України» <http://history.franko.lviv.ua> (дата обращения 16.01.2017).
- Рада** – ежедневная украинская газета либерального направления.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив
- Циркуляр об обществах** – Циркуляр об обществах и союзах инородцев // Окраины России. 1910. № 9. С. 129–130.
- Чикаленко, 2011** – *Чикаленко Є.* Щоденник (1907–1917). Київ: Темпора, 2011. 480 с.
- Щеголев, 1912** – *Щеголев С.Н.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев: Тип. И.Н. Кушнерев и Ко, 1912. 588 с.
- Щеголев, 1914** – *Щеголев С.Н.* Современное украинство, его происхождение, рост и задачи. Киев, 1914. 160 с.

References

- Abrosimova, 2010** – *Abrosimova S.* (2010). Katerynoslavs'ka "Prosvita" u kul'turno-gromads'komu zhytti Naddniprojanshhyny (Za materialamy epistol'jarnoji spadshhyny akademyka Dmytra Javornyc'kogo) [Yekaterinoslav "Prosvita" in the cultural civil life of the Naddniprojanshyna (on the materials of epistolary heritage of the academician Dmytro Yavornytsky)]. *Ukrajina: kul'turna spadshhyna, nacional'na svidomist', derzhavnist'*. Vyp. 19. pp. 548–551.
- Bardash, 2011** – *Bardash O.D.* (2011). Rosijs'ke samodержavstvo ta suspil'no-kul'turne zhyttja v Ukrajinі na pochatku XX stolittja (1900–1917 rr.) [The Russian Autocracy and socio-cultural life in the Ukraine in early XX century]. Kyjiv: Ukr. pryorytet. 208 p.
- Bor'ba za jazyk** – Bor'ba za jazyk: publikacija dokumentov [The Struggle for the Language]. *Ab imperio*. 2005. № 2. pp. 331–367.
- Borjak, 2013** – *Ukrajins'ka identychnist' i movne pytannja v Rosijs'kij imperii: sproba derzhavnogo reguljuvannja (1847–1914)* [The Ukrainian Identity and the Language Question in the Russian Empire. The attempt of the State Regulation (1847–1914)]. Zbirnyk dokumentiv i mateialiv / vidp. red. G. Borjak. Kyjiv:, 2013. 810 p.
- Cirkuljar ob obshhestvah** – Cirkuljar ob obshhestvah i sojuzah inorodcev [Circular on the Societies and Unions of the non-Russians] // *Okrainy Rossii*. 1910. № 9. pp. 129–130.
- ГАРФ** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of Russian Federation].
- Girig, Todijchuk, 2002** – *Girig I., Todijchuk O.* Shhodennik M. (2002). Grushevs'kogo za 1910 r. [The Diary of M. Hrushevs'ki of 1910]. *Ukrains'kij istorik*. № 1-4. pp. С. 96–127.
- Zarechnyj, 2009** – *Zarechnyj A.* (2009). Istorija i etapy pojavlenija ukraincev v Azerbajdzhane [The history and Stages of the Appearance of the Ukrainians in Azerbaijan]// Ethno Globus URL: <http://ethnoglobus.az/index.php/narody/clavyane/item/848-istorija-i-jetapy-pojavlenija-ukraincev-v-azerbajdzhane> (Data obrashhenija: 12.01.17)
- Zvidomlennja Tovarystva Prosvita** – Zvidomlennja Tovarystva Prosvita u Kyjevi za 1910 rik [The Report of the "Prosvita" Society in Kiev in 1910]. Kyjiv, 1910. 64 p.

Zelenyj, 2005 – *Zelenyj V.M.* (2005). Stanovlennja ta dijaj'nist' tovarystva «Prosvita» Katerynoslavs'koji guberniji u 1905–1922 rr [The Formation and Activity of the Yekaterinoslav Gubernia “Prosvita” Society in 1905–1922]. Har'kiv. Avtoref. dis. ... kand. nauk.

Ivanov, 2008 – Ivanov A. (2008). Professor T.V. Lokot': put' russkogo nacionalista [Professor T.V. Lokot: the Life of Russian Nationalist]. *Imperskoe vozrozhdenie: zhurn. polit. analitiki*. № 3. URL: <http://fondiv.ru/articles/3/290/> (Data obrashhenija: 26.12.2016).

Kievljanin – ezhednevnaia gazeta konservativnogo monarhicheskogo napravlenija [Daily conservative and monarchist newspaper].

Kondufor, 1983 – Istorija Ukrainskoj SSSR [History of the Ukrainian SSR]v 10 tomah / Pod. red. Kondufora Ju.Ju. T. 5. Kiev: Naukova dumka, 1983. 558 p.

Kocjubinskij, 2001 – *Kocjubinskij D.A.* (2001). Russkij nacionalizm v nachale XX stoletija. Rozhdenie i gibel' Vserossijskogo nacional'nogo sojuza [Russian Nationalism in Early XX century. The Birth and Death of the All-Russian National Union]. M.: ROSSPJeN. 528 p.

Miller, 2000 – *Miller A.I.* (2000). «Ukrainskij vopros» v politike vlastej i russkom obshhestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX veka) [The “Ukrainian Question” in the Governmental Policy and Russian Public Opinion (Second Half of XIX)]. SPb: Aletejja. 260 p.

Mihutina, 2003 – *Mihutina I.V.* Ukrainskij vopros v Rossii (konec XIX – nachalo XX veka) [Ukrainian Question in Russia (late XIX early XX centuries)]. M.: Institut slavjanovedenija RAN, 2003. 288 p.

Pers'kij, 1932 – *Pers'kij S.* (1932). Populjarna istorija tovarystva «Prosvita» [The Popular History of “Prosvita” Society]. L'viv: Nakladom T-va “Prosvita”. 271 p.

Pidkova, Shust, 1999 – Dovidnyk z istoriji Ukrajinj [Reference Book on the History of the Ukraine]. / Za red. I. Pidkovy ta R. Shusta. T. 2. Kyjiv, 1999. // Sajt «Istorija Ukrajinj» <http://history.franko.lviv.ua> (data obrashhenija 16.01.2017).

Rada – ezhednevnaia ukrainskaja gazeta liberal'nogo napravlenija [Daily Ukrainian liberal newspaper].

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]

Chikalenko, 2011 – *Chikalenko Je.* (2011). Shhodennyk [Diary] (1907–1917). Kyjiv: Tempora. 480 p.

Shhegolev, 1912 – *Shhegolev S.N.* (1912). Ukrainskoe dvizhenie kak sovremennyj etap juzhnorusskogo separatizma [Ukrainian Movement as a Modern Stage of Russian Separatism]. Kiev. 558 p.

Shhegolev, 1914 – *Shhegolev S.N.* (1914). Sovremennoe ukrainstvo, ego proishozhdenie, rost i zadachi [Modern Ukrainianism, its origin, growth and scopes]. Kiev. 160 p.

УДК 94(477)

Украинское национальное движение и власть в позднеимперской России, 1905–1914 гг.

Геннадий Григорьевич Матишов^a, Олег Андреевич Гром^{a, b}

^a Южный научный центр РАН, Российская Федерация

^b Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена истории взаимоотношений украинского национального движения и российских властей в период между революцией 1905–1907 гг. и Первой мировой войной. Рассмотрены основные этапы эволюции украинского движения в начале XX века. Показана ключевая роль русских националистических организаций, прежде всего Киевского клуба русских националистов, в выработке правительственной политики в украинском вопросе. Центральное место в статье отведено генезису столыпинского циркуляра 1910 г. об инородческих обществах и его последствиям для украинского движения.

Ключевые слова: украинский вопрос, национальное движение, правительственная политика, просвита.